

А.Е. Разин, В. Лапин

**Откуда пошла Русская земля
и как стала БЫТЬ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Е. Разин**
Откуда пошла Русская земля и как стала быть / А.Е. Разин, В. Лапин – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 776 с.

ISBN 978-5-458-09902-8

Русская история в повестях А. Разина и В. Лапина; с рисунками Н. Дмитриева-Оренбургского. Второе издание.

ISBN 978-5-458-09902-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

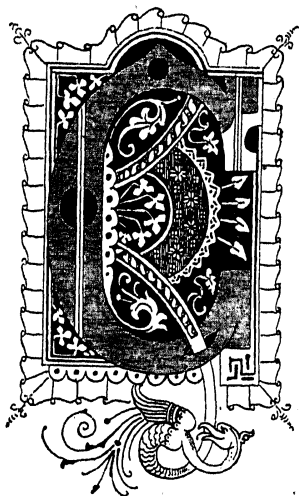
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦАРЕВНА.

(1472—1505 г.).

ГОЯЛЪ ноябрь 1472 года. Довольно велика была въ ту пору Москва, но нельзя и думать было сравнить ее съ Новгородомъ. Правда, на примѣръ, общій видъ ея съ Воробьевыхъ горъ, благодаря множеству храмовъ и садовъ, производилъ хорошее впечатлѣнiе, но при вѣздѣ въ городъ оно тотчасъ пропадало. Улицы были кривыя, узкія, грязныя, всѣ дома деревянные, даже великокняжескій дворецъ и почти всѣ церкви были деревянные. А осторожности съ огнемъ никто не соблюдалъ, да мудрено было и соблюдать, потому

что вмѣсто свѣчъ у большинства жителей употреблялись лучины. Притомъ, нечего грѣха таить, частенько случалось, особенно въ праздникъ, и подъ хмѣлькомъ быть, а въ такомъ случаѣ заронить огонь ничего не значитъ. Вотъ оттого пожары были частыя. Въ 1468 году погорѣло восемь улицъ, въ 1469 году—цѣлый посадъ съ 25 церквами, въ 1470—весь Кремль, кромѣ великокняжескаго двора. Еще хорошо, что государь великій князь Иванъ Васильевичъ самъ явился со многими людьми на пожаръ, а то бы пожалуй и вся Москва погорѣла.

Но вмѣсто сгорѣвшихъ домовъ скоро выстраивались дру-

гіе. Постройка была не хитрая, иногда совсѣмъ готовые срубы домовъ продавались. Даже случалось въ одинъ день церковь построить, такъ и называлась она обыденною. Конечно, она была деревянная, а строили такую церковь большею частію въ воспоминаніе избавленія отъ какой-нибудь бѣды или въ память радостнаго событія. Но церкви каменные строились долго, и мастеровъ на это дѣло было не легко сыскать. Въ 1472 году московскіи Успенскій соборъ, построенный при Калитѣ, такъ обветшалъ, что своды тронулись и пришлось подпереть зданіе большими деревянными столбами. Митрополитъ Филиппъ спрашивалъ двухъ мастеровъ, Кривцова да Мышкина, возьмутся ли они построить церковь такую же, какъ во Владимірѣ храмъ Пречистыя Богородицы. Они взялись, и митрополитъ назначилъ на это построеніе сборъ съ монастырей и церквей и всего священнаго клира, то-есть съ духовенства, а міряне сами давали.

Но у Флоровскихъ воротъ, на диво москвичамъ, красовались единственныя въ то время кирпичныя палаты. Принадлежали онѣ не князю и не боярину, а богатому купчинѣ Таракану.

Самъ Иванъ Федосѣичъ Тараканъ, русый, толстый мужчина лѣтъ за сорокъ, бесѣдовалъ съ дорогими гостями: мастеромъ Мышкинымъ, который ему палаты возвелъ, и съ тверскимъ купцомъ Аѳанасіемъ Никитичемъ.

— Истинное услажденіе съ тобой бесѣдовать, Аѳанасіи Никитичъ, — говорилъ Тараканъ. — И откуда у тебя все это берется? Иной попъ въ десять разъ меньше знаетъ, чѣмъ ты.

— Въ книжномъ дѣлѣ вельми силенъ, — говорилъ Мышкинъ, — потому много и знаетъ. Не то попа, государева дѣяка иного Аѳанасій Никитичъ за постъ заткнотъ.

— Куда мнѣ, — сказалъ Никитичъ, — а что точно почитать люблю, особенно о чужихъ краяхъ. Очень запятно.

— А скажи ты мнѣ, братецъ ты мой, правда-ли это, будто есть островъ такой, что люди на немъ съ пѣснями главами?

— Рассказываютъ.

— И какъ же они, значить, говорятъ? Аки псы лаютъ?

— Надо полагать.

— Чудно, вельми чудно. Ну, а эти турки иль какъ ихъ, агаряне?

— Такіе же поганые, какъ и наши татары. И вѣра у нихъ одна.

— И Царьградъ поплѣнили?

— Поплѣнили.

— А вѣдь, говорятъ, супротивъ этого города на всей землѣ нѣтъ.

— Это вѣрно. Градъ красоты неописанной.

— Какъ же это поганые агаряне его поплѣнили?

— А это мнѣ довольно извѣстно. Потому время недавнее. Много я о томъ отъ пріѣзжихъ фразей слышалъ.

— Столько ты это о разныхъ народахъ намъ толковалъ, что даже въ умѣ ихъ имена мѣшаются. Что это за народъ фразей?

— А есть великій градъ Римъ...

— Знаю.

— Вотъ земля, на коей онъ стоитъ, называется Фряжская, по иному Италия. А народъ на ней фразей.

— Это, значить, гдѣ римскій папѣжъ живетъ?

— Истинно. Такъ вотъ Царьграду уже было большое стѣсненіе отъ нечестивыхъ агарянъ. И восхотѣлъ царь греческій подмоги отъ другихъ христіанъ. Только отъ кого-же? Наши русскіе помочь не могли, потому что у самихъ татары на шеѣ сидятъ, да и смуты у насъ въ то время были у великаго князя Василья Васильевича съ покойнымъ Шемякой. Стало быть, некому помочь кромѣ нѣмцевъ.

— Ужъ нѣмцы какіе христіане. Потому, что они, что татары—одна нехристь.

— Ну, это ты, Иванъ Оедосѣичъ, напрасно ихъ приравнялъ. Конечно, нѣмецкая вѣра нечестивая, потому что на опрѣснокахъ святыя тайны совершаютъ, а не подобають сіе.

— Извѣстно, не подобають. И папѣжу поклоняются.

— Ну, поклоняться — не поклоняются. А башмакъ его цѣлуютъ.

— Ишь ты!

— На башмакъ крестъ, такъ и цѣлуютъ.

— Срамники! Куда крестъ святой нашили — на башмакъ!

— Истинно, что это великій грѣхъ. Даже во храмахъ изображать пречестный крестъ ниже пояса человѣческаго не полагается. А все же нѣмцы пречестному животворя-

цему кресту поклоняются, а татары и турки — безбожному Махмуду.

— Тебѣ конечно больше знать.

— Нѣмцамъ и самимъ турки солоно пришлось, коль крать ихъ бивали. Только одни нѣмцы съ турками справиться и Царьградъ отстоять не могли, а надо было, чтобы нѣмцамъ и фрязи, и франки, и другіе народы помогли. А всѣ эти народы подъ папеемъ состоятъ.

— Подъ папеемъ?

— Подъ папеемъ. Повелить онъ, такъ хотъ въ петлю полъзуть. Вотъ онъ имъ повелѣлъ святую землю отъ невѣрныхъ свободить — послушались.

— А это онъ хорошо насчетъ святой-то земли.

— Почитай за нее триста годовъ бились — ну, поганые одолѣли. Въ теперешнюю пору, говорятъ, папежа ужъ не такъ очень слушаются. А все же онъ большую силу имѣетъ. Вотъ ему и посылаетъ сказать греческій царь: «Оборони Царьградъ». А папежъ ему: «Ладно, почему не оборонить. Только я соберу соборъ, а ты своихъ епископовъ ко мнѣ на соборъ пришли». Царь и прислалъ. Въ ту пору и нашъ московскій митрополитъ Исидоръ на этотъ соборъ ѣздилъ.

— А, этотъ волкъ нечестивый, что папежа въ церквахъ поминать началъ? Его, сказываютъ, за то изъ Москвы шелепами выгнали.

— Самъ утекъ. И почалъ папежъ православныхъ епископовъ смущать лестію великою. Награды и почести сулилъ, чтобы они ему предались, а другихъ, супротивныхъ ему, тѣснилъ и даже голодомъ томилъ. И всѣ православные епископы латинской лести предались, кромѣ одного святого мужа, Марка Ефесскаго. Тотъ устоялъ.

— Истинно, значить, святой человекъ.

— Да, устоялъ. А греки его послушались. Какъ Исидора отселъ великій князь шугнулъ, такъ и они тѣхъ епископовъ, что церковь святую предали.

— Что же, это греки хорошо. Молодцы!

— Молодцы-то, молодцы, только папежъ ихъ царю говоритъ: «Коль мнѣ уголовствія не сдѣлали, такъ отбивайтесь отъ агарянъ какъ знаете». А у агарянъ воцарился грозный салтанъ Махмудъ.

— Тотъ самый, въ котораго они вѣрують?

— Нѣтъ, только во имя того наречень. И собралъ этотъ Махмудъ силу несчетную: кои на корабляхъ пріѣхали, кои конны, кои пѣши пришли. И стали они бить цареградскія стѣны огненнымъ боемъ. А была у нихъ пушка зѣло великая: сто воловъ ее везли. И какъ выпалили изъ той пушки, потряслась земля, пушка разлетѣлась на части и многое множество турокъ побила.

— Такъ имъ и надо, собакамъ.

— Только они ничего, все городъ тѣснять. Сперва не могли они въ цареградскую гавань, которая Золотымъ рогомъ прозывается, пройти, потому что она была желѣзными цѣпями заперта. Такъ что же вы думаете — ухитрились нечестивцы. Деревянные помосты подѣлали, саломъ смазали да по нимъ корабли въ Золотой рогъ перетасили. И стали агаряне великій приступъ готовить. Свѣдалъ о томъ благочестивый царь греческій Константинъ, слезно помолился ко Господу, причастился святыхъ таинъ и сталъ на стѣны, какъ простой ратникъ. Малое у него было воинство, а на подмогу пришелъ только одинъ фряжскій вождь въ малыхъ людяхъ. И сказалъ вождю благовѣрный царь: «Блюди, говорить, эту башню, послужи св. Софїи» А тѣмъ временемъ агарянская сила на приступъ пошла. Но греки бились аки лвы. Вдругъ фряжскій воевода пошелъ на свои корабли: «Уязвленъ, говорить, я, стоять не могу». За нимъ и фрязи кинулись. А турки видятъ это да и на стѣну. И погибъ тутъ благовѣрный царь Константинъ и съ нимъ многое множество грековъ; три дня агаряне по городу бѣгали и какъ волки лютые кровь христіанскую проливали.

— Ужъ извѣстно. Что турки, что татары, такіе же псы. А татары намъ довольно извѣстны.

— А градъ пожгли и пограбили. Только храмы и палаты царскія сохранили. Въ палатахъ поселился пребеззаконный Махмудъ, а храмы на мечети передѣлали.

— Ахъ, злодѣи нечестивые! А вѣдь говорятъ, этотъ послѣдній-то царь невѣстѣ нашего великаго князя съ родни приходится.

— Съ родни, — сказала Мышкинъ, — это я довольно знаю. За ней теперъ монетчикъ Иванъ фрязинъ поѣхалъ. Мы съ нимъ хлѣбъ-соль водили. Куда плутоватый парень. Латинской ереси отрেকся, нашъ законъ принялъ, а больно плутовать.

— Такъ ты разскажи, свать, коли знаешь.

— Разсказать можно. Отъ фрязина довольно слышали. Года три тому назадъ прѣѣхалъ къ великому князю грекъ изъ Фряжской земли. А привезъ онъ письмо, и въ этомъ письмѣ значилось, что у царя Константина осталась племянница, Софья Омнишна, а живетъ она у римскаго папежа.

— Значить и вѣры его?

— То-то и есть, что нѣтъ. И сваталась, говорить, за все великіе государи той земли, а она всеѣмъ отказала, потому что не желаетъ ни за кого выйти, кромѣ какъ за православнаго. А красоты эта царевна неописанной. И супротивъ ея рода, другого нѣтъ на землѣ такого знатнаго.

— Это вѣрно, — сказалъ Никитичъ, — какъ Царьградъ былъ надъ всеѣми градами царь, такъ и царь греческій былъ первый изъ всеѣхъ царей и коюлей.

— А въ ту пору государь великій князь уже во вдовствѣ состоялъ. Благовѣрная супруга его скончалась.

— Наташка Полуектова извела.

— Ну, это ты можетъ быть и грѣшишь.

— Нѣтъ, братъ, я отъ княжало постельничаго слышала, что Наташка тѣмъ самымъ временемъ къ ворожеѣ поясъ посылала. Это на что?

— Конечно, не слѣдъ это дѣлать. Только Полуектовыхъ я довольно зналъ: люди хорошіе. Ну, да и великая княгиня раньше недужна была.

— А за что Полуектовыхъ доселѣ государь великій князь на глаза не пукаетъ?

— Ну, это намъ, малымъ людямъ, куда знать. А вотъ какъ свѣдалъ государь, что есть такая невѣста, знатная и красавица, и что римскій папезъ желалъ бы се за Ивана Васильевича отдать, да и сама она противиться не будетъ, потому что онъ вѣры православной, такъ и сталъ государь со своей матушкой, инокиней Марѳой, съ владыкой митрополитомъ и съ боярами совѣщаться. Ну, конечно, гдѣ же невѣсты лучше сыскать? Вотъ государь и послалъ фрязина къ папезу все дѣло уладить. Тотъ и уладилъ, только не навралъ ли что-нибудь, собака, потому врать лютъ! Да вотъ передъ отъѣздомъ во Фряжскую землю (значить, государь опять его туда послалъ за невѣстой) такъ зашелъ онъ ко мнѣ попрощаться. Ну, конечно, выпили. Такъ что-же, по-

хваляться сталъ. Я-де, говоритъ, изъ Фряжской земли такихъ строителей привезу, что тебя, Мышка, за поясъ заткнутъ.

— Тебя-то! Да ты у насъ съ Кривцовымъ первый человекъ на это. Вонъ мнѣ какія палаты вывелъ. А вѣдь смѣхотворное, братцы мои, дѣло! Какъ только я ихъ учалъ строить, всѣ наши рядскіе то и дѣло пристають ко мнѣ: къ чему-де ты каменны палаты строишь, одно-де бахвальство, и не по дѣдовскому обычаю, да и жить въ деревянныхъ гораздо здоровѣе.

— Это они напрасно,—сказалъ Никитинъ,—въ чужихъ земляхъ много каменныхъ палатъ, а ничего: отъ того народъ не мретъ.

— Знаю, что ничего. А супротивъ, какъ ежели къ примѣру—оборони и сохрани Богъ, отъ слова не сдѣлается—пожарнаго случая не въ примѣръ сподручнѣе.

— Что и говорить.

— А это онъ о фряжскихъ строителяхъ напрасно,—говорилъ Мышкинъ,—потому—вотъ эта стопа съ медомъ: я вотъ ее однимъ духомъ опорожнилъ, а можетъ тамъ всякая нечисть? Фрязь али нѣмецъ это сдѣлать никакъ не можетъ. Потому—русскаго духа у нихъ нѣтъ. Я теперь, примѣрно, пьянъ, а дѣло мое могу сполнить. Успенскую церковь построю—вотъ какую. А фрязь—это еще погоди, братъ.

— Куда фрязамъ супротивъ тебя.

— А теперь, братцы, по тайности вамъ скажу, по большой тайности. И не слѣдъ бы говорить, да первое дѣло охмѣлѣлъ, а второе—ребята вы такіе душевные. На-дняхъ у великаго князя совѣтъ былъ, а мой сынишка въ постельничихъ у князя. Прилучилось ему быть въ сосѣдней хранинѣ—все слышалъ, ну, отцу по тайности и рассказалъ.

— Расскажи и намъ, сватъ. Смерть люблю слушать, если кто занятно говорить.

— Только смотри, ни, ни... ни гугу! Пригналъ, значить, отъ невѣсты гонецъ и рассказываетъ: «Вдетъ, говоритъ, съ Софьей Осмишиной посоль отъ папежа, человекъ набольшой, а вдетъ онъ весь въ краснсмъ, а на рукахъ рукавицы изъ сбачьей кожи, къ иконамъ онъ не подходитъ, шапку и рукавицы свои поганые и въ церкви не скидаетъ. Во Псковѣ царевну съ торжествомъ приняли. И всему она нарду полюбилась, потому—точно, красоты неописанной, обы-

часъ ласкова, предъ иконами святыми молилась съ колѣно-преклоненіемъ. Да и послу молвила: «Ты бы, говорить, хоть къ Пречистой приложился». Ну, онъ надо быть поморщился, а ничего, послушался.

— Да какъ еще его, пса окаяннаго, допустили?

— А въ особыхъ саняхъ везуть передъ нимъ распятое литое, на древкѣ высоко вздернуто, настоящіи, значить, латинскій крыжъ.

— Господи, спаси и помилуй!

— Вотъ изъ-за этого самаго крыжа все дѣло и вышло. Сталъ государь съ боярами совѣщаться: впускать ему после съ этимъ крыжомъ али нѣтъ. Не впустить—посла обидѣть, впустить—соблазнъ въ народѣ поидеть. И послалъ государь владыку митрополита выпросить въ такомъ дѣлѣ.

— Что же владыка отвѣтилъ?

— А отвѣтилъ владыка митрополитъ таковыми словами: «Нельзя послу не только войти въ Москву съ крестомъ, но и подѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; непригоже намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругается».

— Что-же? владыка... это правильно.

— Такъ и великій князь порѣшилъ. Съ тѣмъ и гонецъ къ тому послу поѣхалъ.

Въ это самое время, верстахъ въ ста отъ Москвы, гонецъ государевъ передалъ наказъ его Ивану Фрязину, а Фрязинъ напскому послу, легату Антонію, что никакъ невозможно ему съ тѣмъ крестомъ въ Москву вѣхать, а принять бы ему крыжъ прочь. Легатъ, высокій, красивый мужчина, лѣтъ еще не старыхъ, разсердился.

— Развѣ такъ надлежитъ почитать легата святѣйшаго отца?—говорилъ онъ.—Крестъ—принадлежность моего званія. Развѣ я ѣду не просвѣщать Русскую землю свѣтомъ христіанства?

— Какъ же это просвѣщать?—молвила царевна Софья.— Да она святымъ крещеніемъ давно просвѣщена.

— Крещеніемъ точно просвѣщена, но въ заблужденіяхъ и схизмѣ пребываетъ.

— И я въ той схизмѣ по-твоему пребываю? Да о вѣрѣ говорить не мое дѣло женское. Поговори объ ней съ рус-

скимъ митрополитомъ. А указъ государя, моего нареченнаго жениха, долженъ быть исполненъ.

— Несообразно съ моимъ достоинствомъ.

— Ну, если несообразно, такъ я одна побѣду, передо мной крестъ взети не надо. А ты погода прѣзжай.

Антоній ужь во время дороги замѣтилъ, что съ Софьей Ѧоминишной не легко сговорить. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ она ступила на Русскую землю и была принята во Псковѣ съ великими почестями, Софія приняла осанку властную, такъ что иной разъ кардиналъ не зналъ что и подумать. Совсѣмъ не та дѣвочка, которая такъ смирно жила въ Римѣ, а именно представительница самаго знатнаго рода во всемъ свѣтѣ. Онъ понялъ и то, что если Софія съ нимъ разсорится, тогда наврядъ-ли состоится соединеніе церквей или, точнѣе сказать, подчиненіе русской церкви папѣ.

— Да я, государыня, ничего... и если сказалъ схизма, то ты не прогнѣвись.

— И не гнѣваюсь, а воля государя великаго князя должна быть исполнена.

Легать покорился, но когда, убравъ крестъ, онъ побѣхаль далѣе въ одномъ капканѣ съ великокняжескимъ посломъ Иваномъ Фрязинымъ, то вздумалъ на немъ сорвать сердце.

— Какъ же ты говорилъ въ Римѣ, что московскій князь желаетъ принять флорентійскую унію?

— Это, то-есть, святому отцу папѣ покориться? А отчего же ему и не покориться?

— Да ты вотъ рассказываешь, а мнѣ крестъ снять велѣли.

— А отчего-же его и не снять? Какъ по-твоему, простой народъ глушь или нѣтъ?

— Конечно, глушь.

— Ну, послушай-ка, теперь, привыкши видѣть въ своихъ церквахъ совсѣмъ иные кресты, увидать твой, что скажутъ? Вѣдь смятеніе можетъ быть?

— Да ты же говорилъ, что народъ смиренный, повелить великій князь, такъ что угодно сдѣлають.

— И сдѣлають.

— И святѣйшему отцу папѣ подчинятся?

— И святѣйшему отцу подчинятся.

— Такъ пусть и повелитъ великій князь.

— И повелитъ. Да развѣ этакое дѣло въ одинъ день дѣ-

лается? Надо тоже русское духовенство уломать. Самъ ты знаешь, можно развѣ хоть въ какой землѣ христіанской духовенствомъ пренебречь? развѣ можно?

— Конечно, нельзя католическимъ духовенствомъ пренебречь, а то схизматики.

— А ты ихъ убѣди, что они схизматики. Что тебѣ это стоить. Мужъ ты великой учености и краснорѣчія. А они что? Мужики въ сравненіи съ тобой. Только рясу носить, а какая ученость у нихъ? Могутъ ли они съ тобой сравняться?

Понравилось кардиналу, что Фрязинъ кольстилъ ему. Даже улыбнулся сановникъ римской церкви.

— Ну, положимъ, а ихъ опровергну, да только когда же это будетъ? А теперь вотъ униженіе.

— Это что крестъ-то сняли? Какое тутъ униженіе? Тебѣ же лучше. Я прежде замѣтилъ, что иные изъ русскихъ, особенно изъ духовныхъ, куда косо на твой крестъ смотрѣли. Ну, а извѣстно, народъ смотреть, смотреть, да сдуру что-нибудь и сдѣлаетъ, какое-нибудь оскорбленіе. Конечно, за это строго бы наказали, да не лучше ли, чтобы пока все было тихо и гладко, покуда протоѿдяконъ въ Успенскомъ соборѣ крикнетъ: «О здравіи свѣтѣйшаго отца папы и патріарха всероссійскаго Антонія!» А ужъ какой голосина у протоѿдякона! Такихъ и въ Италіи не найдешь. Не то что въ соборѣ, а на всей площади слышно, какъ онъ рявкнетъ.

— А ты еще обѣщаль, что великій князь въ крестовый походъ противъ турокъ пойдетъ.

— И пойдетъ. Какъ же ему не пойти, когда онъ византійскую царевну, отрасль Палеологовъ, за себя возьметъ? Вѣдь онъ самъ права на Царьградъ получить.

— Ну, права—это особая рѣчь. А идти на турокъ непременно нужно.

— Когда не нужно. Ну, да теперь счастливо оставаться. Я нарочно къ тебѣ пришелъ, чтобы тебя успокоить. А теперь пойду въ свой капканъ, сосну немного.

— Рассказывай, — говорилъ Фрязинъ, влѣзая въ свой капканъ, — то обѣщаль да другое обѣщаль, а какъ было не обѣщать, иначе, пожалуй, и царевну не пустили бы. А что-же, мнѣ къ великому князю съ пустыми руками что-ли было прѣхать? Нѣтъ, братъ, этакъ нельзя, шалишь, пожалуйі безъ ушей останешься. А слово сказать что? слово не вре-